

УДК 93

ПОМЕЩИЧЬЯ ЖЕСТОКОСТЬ И ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НЕЁ В РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

ШАПОВАЛОВ Владимир Анатольевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается барская жестокость в отношении крестьян в русских бытовых сказках, включая производные от неё – страх, угрозы, мщение. Структурированный анализ данных сказок показывает их несомненную ценность в качестве исторического источника в контексте рассмотрения социально-психологического антагонизма бар и крестьян. Сюжеты отдельных сказок указанной направленности основаны на реальных событиях с указанием фамилий помещиков, наименований географических пунктов, причин убийства бар или жестокого мщения. В ряде случаев весьма детально показаны судьбы отдельных крепостных крестьян, представителей вотчинной администрации, родственников помещиков. Но все это трансформировано в сказочную форму. Барская жестокость в бытовых сказках всегда наказывается с такой же ответной жестокостью. Неотвратимость наказания помещикам за проявленную жестокость, используя и Божью помощь, являлась отражением народной утопии о социальной справедливости, которая обязательно наступит. В ряде сказок показан феномен страха крестьян к барам, стремление перейти от угроз к реальному мщению. Таким образом, барская власть в её худших проявлениях нашла детальное отражение в бытовых сказках, иллюстрируя широкий спектр жестокого отношения помещиков к крестьянам и ответные реакции на него.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бытовая сказка, народная социальная утопия, жестокость, бары, крестьяне, социально-психологический антагонизм.

LANDLORDS' CRUELTY AND ITS DERIVATIVES IN RUSSIAN FOLK TALES

Shapovalov V. A.,

Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian History and Record Management,
Belgorod State National Research University

ABSTRACT. The article examines Russian landlords' cruelty towards peasants in folk tales, including its derivatives – fear, threats and revenge. The structured analysis of these tales reveals their value as a historical source in the study of the socio-psychological antagonism between landlords (bary) and peasants. Plots of particular tales are based on real stories with reference to the landlords' surnames, geographical locations, reasons for landlords' murders or severe revenge. Some plots contain details of the life of particular serfs, members of estate administration, landlords' relatives, yet all this information is transformed into a folk tale form. Landlords' cruelty in folk tales is always punished by similar cruelty. The inevitability of landlords' punishment for their cruelty (including God's help) is a reflection of a folk utopia of social justice which is bound to come. Some folk tales show peasants' fear of landlords, the ambition of the former to proceed from threats to real acts of revenge. Thus, the landlords' power in its worst manifestations found its detailed reflection in folk tales, which illustrate various forms of landlords' cruelty towards peasants and the response of the latter to them.

KEY WORDS: folk tale, folk social utopia, cruelty, landlords (bary), peasants, socio-psychological antagonism.

В мае 1830 г. народный мыслитель из крепостных крестьян князя А. Я. Лобанова-Ростовского Иван Подшивалов в письме к императору Николаю I относительно сути крепостного права писал: «Вот господа бывшие и еще и теперь есть, в таком случае играют роль Иуды. А которого продают, тот занимает роль Иисуса Христа и мучается до тех пор, покуда перепродадут другому мучителю, и так – третьему... И до тех пор переходит из рук в руки, покуда от несносного человеку труда и разнообразных мук помирает. Только при смерти радуется, что прямехонько в рай, то есть в будущий приготовленный могилокопателями» [1, с. 70].

У И. Подшивалова «могилокопатели» – это помещные дворяне. Данные строки письма отражают антикрепостнические настроения подавляющей части частновладельческих крестьян. Это точно подме-

тил в свое время Ю. М. Соколов: «Отношение мужика к барину почти без всякого исключения в сказках резко отрицательное, доходящее до глубокой ненависти и враждебности. Здесь незаметно какого-нибудь расслоения настроений крестьянства в отношении к барам. Вековая крепостная зависимость мужика от барина выработала в крестьянстве резкое чувство классовой вражды: каждая сказка на эту тему является выражением протеста против бар, ненависти и презрения к ним» [2, с. 412].

Ю. М. Соколов, подчеркивая доминирующую сюжетную линию социального характера в русских народных сказках о барах и мужиках, в приведенном сюжете вводит два противоречивых друг другу утверждения. Наречие «почти» указывает на возможность других социальных сюжетных линий, не связанных с отрицательным образом помещика, а утверждение «не заметно какого-нибудь расслоения настроений крестьянства в отношении к барам» отрицает первый постулат. Крупный ученый-фольклорист тем самым подчеркивает достаточно

© Шаповалов В.А., 2018

Информация для связи с авторами: shapovalov@bsu.edu.ru

сложный комплекс воззрений крестьян на институт крепостничества, правомерно выделяя доминирующую сюжетную линию.

Ненависть и недоверие большей части крестьян к барам особенно отчетливо проявилось в ходе подготовки, обнародования Манифеста об отмене крепостного права и Положений 19 февраля 1861 г. Сам факт получения свободы способствовал выплеску у крестьян негативных эмоций в адрес помещиков, копившихся долгими годами. Так, например, неустановленный автор описывает свои впечатления после зачитывания вышеуказанных документов в деревне Кокряты Самарской губернии рано утром 9 апреля 1861 г.: «Пошел я в контору. Толпа, шум, гам, толкотня, какое-то зверское ухарство в лицах. Сходка о том, как делить барскую рожь и как молотить её или по себе снопы прямо разделить? Решили обмолотить миром. Прислушиваюсь к толкам: дворян резать, вешать, рубить топорами: топоры насадить на длинные колья. Вообще размер пугачевщины, старосту прогнали» [3, с. 451].

Подобные настроения, естественно, нашли отражение в сказках о барине и мужике. Хотя, пусть и в значительно меньшей степени, в крепостной среде были и противоположные настроения. Особенно это относилось к категории дворовых [4, с. 22; 5, с. 63–64; 6, с. 219–230; 7, с. 341–342].

Жестокость помещиков во многом являлась следствием их осознания неограниченной власти над «своей крещеной собственностью». Данное представление полностью укладывалось в рамки помещичьего социального традиционализма и было опосредовано спецификой функционирования психологии власти. Специалист по психологии власти А. Г. Конфисахор особо подчеркивает: «Власть практически всегда ассоциируется с борьбой, насилием, диктатом, принуждением и подавлением своего народа со стороны властителей и политиков» [8, с. 109]. Это суждение легко переносится в рамки социальной конструкции «помещик – крестьянин», отражая основной принцип в их системе взаимоотношений. При этом необходимо учитывать и определенный воззрения крестьян на проявление барской жестокости. Например, в дореформенный период сама практика телесных наказаний провинившихся крестьян помещиками укладывалась в мировоззренческие рамки первых и вторых. Для помещика это было право, находившееся в рамках правовой традиции, подкрепленной вековой повседневной практикой. В крестьянском сознании именно розги соответствовали сути наказания, которое должно было «осрамить» провинившегося. Эта привычка к телесным наказаниям у крестьян выработалась настолько, что неупотребление розог считалось знаком исключительно дурного отношения помещика к тому или иному обвиненному в чем-либо крестьянину [9, с. 438]. В пореформенный же период наказание розгами по решению волостного суда, наоборот, считалось у крестьян страшным позором. За «поротога» молодца могла и не пойти замуж достойная невеста [10, с. 24–25]. Понимание сути наказания и жестокости эволюционировало, что нашло отражение и в бытовых сказках.

Из более 100 сказок о барине и мужике, известных автору настоящей статьи, в 5 рассказывается о помещичьей жестокости, её различных проявлениях, включая крестьянскую ответную реакцию. Но бытовую сказку, как и другие фольклорные жанры, трудно четко классифицировать по какому-либо одному нравственному критерию, она всегда много-

граннее. В сказках про жестокое отношение барина к мужикам параллельно поднимаются темы крестьянских угроз и неминуемого возмездия помещикам, показан устойчивый страх перед бариним. В то же время подчеркивается, что жестокость тесно соседствует в барской усадьбе с глупостью её хозяев. Рассмотрим сюжеты этих сказок.

В рассматриваемом контексте примечательна сказка «Как казак проучил барина-самоуправщика» [11, с. 39–40]. Барин, отправляясь в дорогу, направил за 15 верст вперед казака, а сам со свитой, встретив его через какое-то время, стал расспрашивать, что у него есть с собой в походном варианте (трубка, табак, шило, игла). Получив отрицательный ответ, барин приказал всыпать казаку 50 плетей. Наказание было весьма жестоким, казак не смог сесть на лошадь и остановился в трактире. Здесь евреи посоветовали казаку, как «отблагодарить» барина. Зная, что он периодически переодевается нищим и просит подаяние, евреи посоветовали казаку дать барину хлеба сдобного и пресного, а как он положит их вместе в одну торбу, всыпать ему 50 плетей, так казак и поступил. Чуть позже барин встретился с казаком и признался, что в образе нищего деда был он, при этом потребовал ответа, почему он был избит. Казак ответил, что праведный не может в одну торбу класть хлеб постный и скромный [11, с. 40].

Суть сказки в том, что на любое барское насилие казак (крестьянин) может ответить насилием. Но весь вопрос в характере насилия. В сюжете сказки соединены два нравственных посыла: возмущение непропорциональной жестокостью за реальный проступок, который требует наказания (Я, ...ехал в дорогу, и не имел разуму, и меня научил барин, и теперь мне хорошо) [11, с. 40] и обязательность возмездия за непропорциональную жестокость. Посуди, это сказка угроза. Хотя здесь необходимо указать, что 50 плетей в крестьянской среде не воспринимались чрезмерно жестоким наказанием. Так, тамбовский помещик Кашкаров приказывал давать своим крестьянам за провинности «по 400 ударов кнутом, так что наказанные лежали больными месяца по 3. Одного крепостного Кашкаров высек в течение великого поста 16 раз, каждый раз по 100 ударов» [12, с. 231]. Непропорциональное наказание в сказке показано применительно к казаку, представляющему иную сословную общность. Здесь физическая боль усугубилась обидой социального плана. Вероятно, и сама сказка была сочинена в казацкой среде.

Характерная барская жестокость показана в сказке «Жалостливая барыня» [11, с. 48–55]. Барыня любила кошек и собак, но извуряла непосильной работой крестьян, издеваясь над ними. Молодым крестьянкам-матерям запрещала кормить грудью собственных детей, а их молоко предназначалось котяткам и щенятам. В крестьянах своих она людей не видела, голой при них ходила по нужде: «... и не стыдилась ни меня, ни других мужиков: она их людьми не признавала, а скотиной. А известно, скотины никто не стыдится» [11, с. 49]. Но собаки и кошки барыни заразились бешенством, «... да и загрызли её на смерть» [11, с. 55]. Подробное описание личной жизни барыни, взаимоотношений с крестьянами, фактографичность судеб отдельных крестьян и крестьянок, представителей вотчинной администрации, детальный показ специфики ведения хозяйства, упоминание конкретных географических названий указывает на то, что в основе дан-

ной сказки лежат реалии определенной помещичьей семьи (семей). Естественно, все это преломлено через сюжетную канву бытовой сказки, где зло наказывается в назидание другим злодеям. Сама жизнь подсказывала сюжеты для подобных сказок. Примеров, когда помещики ценили животных (собак, лошадей, охотничьи трофеи) выше крестьянских жизней, предостаточно [12, с. 222; 13, с. 105; 14, с. 144–145]. В этой связи можно привести известное высказывание В. Я. Проппа: «В настоящее время вряд ли нужно особо доказывать, что всякое искусство, в том числе фольклор, восходит к исторической действительности и отражает её и что одна из задач исследователей состоит в том, чтобы показать это на том материале, который они изучают» [15, с. 116]. Бытовые сказки про барина и мужика в полной мере соответствуют сути данного высказывания.

В отношении сказки «О барах» Ю. М. Соколов подчеркивал: «Фактической справкой звучит короткий рассказ об одном реальном факте: об убийстве крестьянами своего жесткого барина Шидловского» [11, с. 19]. Шидловские были известной дворянской фамилией в России, в Воронежской губернии её представители традиционно занимали должности губернских и уездных предводителей дворянства [16, с. 231, 234, 272]. В рассматриваемой сказке идет простой пересказ убийства барина: «С господами было жить скверно. Еще солнце не успеет взойти, как уж под окнами ходит начальник какой-нибудь и кричит:

– Добрый день, Авдей! Иди на барщину! Еще иной раз в воскресенье звонят в церкви, а под окнами кричат:

– На барщину иди!

Так жилось за бариним Шидловским. Так за это его убили один раз на Троице. Вот как это приключилось.

На Троицу он поехал в Красновку до обедни; тогда пять человек сговорились да в лесу засели и дождались там его, покуда он назад поедет. Как только он возвращался, то они выскочили из леса, убили его и затащили за колоду... Потом узнали, кто такой убил, взяли тех людей в Сибирь копать руду в Уральских горах» [11, с. 47].

Рассмотренные выше две сказки объединяет реальная основа событий, положенная в их сюжеты.

Близко по реальной основе сюжета к двум выше рассмотренным сказкам подходят две сказки из так называемого «разбойничьего цикла», «...очень популярного в крестьянской среде, подобно тому, как в песенном репертуаре образ разбойника был одним из любимых» [11, с. 19]. Крестьянам импонировало благородство и бесстрашие разбойников, грабивших и физически наказывавших бар. В народном сознании разбойники ассоциировались с заступниками, мстителями за крестьянские обиды, истязания и унижения. В сказочных сюжетах это проходит доминантой. В сказке «Алексей Ехмачинский», по сути являющейся фольклорной переработкой реальной истории из дореформенного периода в Поволжье (сказка записана в г. Симбирске. – В. Ш.), рассказывается о разбойнике из дворовых, который «...повинен был всего в двух душах: старика да старуху повесил; а то все грабил, обозы останавливал. Шайки у него не было. Напишет это к господину какому-нибудь: «Приготовить там-то деньги!». И приготавливали» [17, с. 99]. Крестьяне видели в нем мстителя. С их точки зрения грабежи и насилия над барами были справедливы, являлись гос-

подским искуплением за народные страдания. В сказке «Разбойник Тришка Сибиряк» (записана в Орловской губернии. – В. Ш.) Тришка наказывает бар за насилие над крестьянами «рублём» и физически. В начале сказки его действия локализуются в Смоленской губернии, где «...живет барин; у этого барина – его мужикам житья не было; всех разом – разорил!» [11, с. 29–31]. Барин был «наказан» 20 тыс. рублей, из которых Тришка 2 тыс. отдал мужикам, а остальные «на свою братию возьму» [11, с. 44]. Отдельным помещикам Тришка «под коленками жилки подрежет» [11, с. 46]. Эмоциональная тональность сказки полностью одобряет действия Тришки Сибиряка, а его жестокости по отношению к барам воспринимаются, как и в сказке «Алексей Ехмачинский», обоснованным ответом на помещичьи жестокости и притеснения.

К выше рассмотренным четырем сказкам вполне можно отнести суждение воронежского филолога А. И. Кротова: «... к группе социально-бытовых сказок по сложившейся со времен А. Н. Афанасьева традиции отнесены также анекдоты или близкие к ним конкретные истории, видимо, имевшие место в действительности... Последние в процессе бытования утрачивают свою сугубо житейскую злободневность, облекаются в сказочную форму и воспринимаются в качестве правдоподобных произведений, находясь как бы между анекдотом и сказкой» [18, с. 6].

С обрядом инициации через сон барыни связан сюжет сказки «Сердитая барыня», где отставной солдат проучает злую помещицу, введя её при помощи «сонных капель» в глубокий сон и меняя её местами с женой сапожника. Два месяца барыня носила дрова, топила печь, готовила еду и т. п. При этом её нахаживал ремнем «муж» – сапожник. Когда солдат вернул барыню в прежнее состояние, «... с тех пор барыня мягкая-размяткая сделалась», хотя до этого от нее «...никому житья не было» [11, с. 41]. Различные обряды инициаций были нередкими в сюжетах бытовых сказок [19, с. 157]. В сказке «Сердитая барыня» показано желание её создателей переместить помещицу в «шкуру» женщины из народа, чтобы она ощутила всю тяжесть жизни «черного люда». По сути, это отражение народной утопии, мечты о социальной справедливости и неминуемом наказании господ. Жестокость и насилие исправлены тем же, но через сказочное превращение во сне.

Сказка «Барин и нищий (Марка богатый)» близка по содержательной фабуле к бытовым сказкам, где в итоге за свои жестокости по отношению к крестьянам помещик сам жестоко наказывается [11, с. 79–85]. Но в ней сюжетная линия значительно сложнее, включает Бога, родных барина (жену, дочь), которые искренне радуются его смерти. В начале сказки злой барин ночует в крестьянской избе, где под видом старика-странника остановился уже Бог. Барин подслушал разговор Бога с ангелами, которые предложили последнему одарить родившегося пятого сына в крестьянской семье одним из имений барина, так как у него не было сына, а была дочь. Господь согласился. Наутро барин приказал слуге выкупить младенца и убить его. Слуге стало жалко ребенка, и он его оставил живым в лесу, что, собственно, подсадили ему голоса свыше. Другой барин нашел ребенка, усыновил его и вырастил. При встрече двух бар выяснилось, что усыновленный был найден в лесу, и злой барин понял, что это тот младенец, которого он ранее приказал убить. Он просит соседа-барина отправить

приемного сына к своей жене с письмом, в котором приказывает ей убить парня. Но по дороге Господь меняет содержание письма и приказывает жене барина сердечно встретить посланника. Помещица радушно встречает парня, фактически насильно венчает его со своей дочерью. Злой барин, вернувшись домой, сильно разозлен случившимся и подстраивает так, чтобы зятя сварили в пивоварне. Но его самого варят в пивном чане. Здесь примечательны одни и те же слова жены и дочери, произнесенные в связи со смертью их мужа и отца: «По псе и поминки все!» [11, с. 84–85].

Создатели сказки подчеркивают, что Господь на стороне праведных крестьян, притесняемых злыми барями. За жестокость и богопротивные дела их ждет неминуемое наказание, вплоть до лютой смерти. Кроме того, от них отвернутся ближайшие родственники, которые встанут на сторону правды. В сказке присутствует очевидный синтез социальной утопии с верой в защиту Бога, но и включен элемент реальной действительности – добрые бары (барин с женой, усыновившие ребенка, жена и дочь злого барина), противопоставленные жестоким помещикам.

С выше рассмотренной сказкой сюжетно, в контексте включения в него небесных сил, связаны две бытовые сказки, в одной из которых помещик за свои злодеяния по отношению к крестьянам попадает в ад, и теперь, в свою очередь, он подвергается мучениям [20, с. 72–73]. Во второй сказке великий грешник (в котором Ю. М. Соколов, исходя из сюжета, видит барина, хотя статус прямо не упоминается) за свои грехи не мог умереть, «душа не покидала тела», когда срок пришел. Вся его жизнь стала сплошным мучением [11, с. 56–58]. Содержание данных сказок отражает глубокую мировоззренческую связь крестьян с темой Страшного суда и земных мучений за грехи [21, с. 16].

В первой из этих сказок «Ничего, паночек, привыкай!» примечательны диалоги обессилевшего от работы крестьянина и барина:

– Ай, паночек, тяжело мне!

– Ничего, жает пан, – Михайлочка! Привыкай!

А как пан помер и попал в пекло и Михайлочка помер, то пан и говорит:

– Ай, Михайлочка, ратуй (помоги, спаси. – В. Ш.) меня!

– Ничего, паночек, привыкнешь! [20, с. 72–73].

Диалоги выстроены по принципу «что посеешь, то и пожнешь». Мучения кого-либо обязательно отзовутся тем же и мучителю. В сказке «Великий грешник» барин (сословная принадлежность определена Ю. М. Соколовым. – В. Ш.), стремясь уйти от ужасных земных мучений, полученных за прежние злодеяния, и попасть на небеса, в последней надежде исповедовался у пустынноика. Последний заявил барину-грешнику: «...тебя смерть не возьмёт, земля не примет, покуда ты свои грехи на этом свете не откупишь» [11, с. 57]. Через несколько лет, в день Пасхи, барин заступился за крестьян, которых выгнал на работу в поле староста. Во время ссоры барин-грешник ударил старосту камнем по голове и убил его. После чего: «...грешник на том месте прахом рассыпался, кончил покаяние. И пошла его душа на тот свет» [20, с. 72–73]. Как и в сказке «Ничего, паночек, привыкнешь!», муки крестьян вылились в муки барина, опосредованные небесами. И только страшным искуплением он обрел возможность предстать перед Господом.

Воззрения о наказаниях за земные грехи перед людьми, отраженные в двух вышепересмотренных сказках, подтверждаются и в народных пословицах. В частности, «Злому человеку не дает Бог веку», «Злой человек не проживет в добре свой век», «Худо худым и кончится» [22, с. 74–75]. Барская жестокость целенаправленно генерировала в широкой крестьянской среде устойчивый страх перед своим помещиком. Как подчеркивает специалист в области страха Ю. А. Щербатых, применительно к прошлым векам «считалось, что для того, чтобы у народа не пропадало ощущение страха, его надо специально поддерживать – насилем, угрозами и массовыми казнями» [23, с. 306]. По сути, это был способ психологического воздействия на простолюдинов. Выдающийся русский психиатр, невропатолог и психолог В. М. Бехтерев указывал: «...приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения, в силу разумности подчинения в данном случае и т. п.» [24, с. 22]. Устойчивое состояние страха у многих крестьян не могло не найти отражение в народном фольклоре, в частности, в бытовых сказках. В этом контексте примечательна сказка «Барские гуси», в которой крестьянка «болно ...льстива была на чужую скотину; как бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что это её. Страшно надоела жена мужу. Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси» [25, с. 449–550]. На вопрос жены «Да чьи гуси?» муж ответил «Барские». После чего жена заявила, что умирает и потребовала у мужа позвать попа. Её отпели, понесли на кладбище, но перед каждым указанным действием она спрашивала: «Чьи гуси?» и получала традиционный ответ: «Барские». И даже когда её стали засыпать землей, муж предупредил жену, что сейчас она будет погребена, но она спрашивала свое, а муж не смог ответить ей, что гуси не барские. Жадную жену заживо похоронили. На первый взгляд, эта сказка из традиционного цикла о жадных и упрямых крестьянках, которые за свои указанные качества и подобное поведение были заживо погребены. К ним относятся, например, сказки «Кому коты», «Упрямая баба» [25, с. 448–550]. Тем более, в начале сказки прямо указывается, что подобным поведением жена страшно надоела мужу. Отсюда следует ожидать и соответствующие действия мужа. Но в сюжет сказки в качестве «чужой скотины» введены барские гуси. Они, по сути, здесь являются метафорой помещичьего двора. Гуси, по всей видимости, не случайно выбраны в качестве барской собственности. В разных славянских традициях покровителями гусей считали разных святых. У русских о гусях молятся св. Никите [26, с. 670]. Подобного в отношении домашних уток, кур и индюков не наблюдается. Покушение на барскую собственность в рассматриваемой сказке, вероятно, можно увязывать не только с возможным наказанием, но и грехопадением. Таким образом, муж был поставлен перед выбором или пойти на поводу у жены, признать барскую живность своей и спасти жену, или остаться без жены, но не посягнуть на барское добро. Страх, в контексте традиционного восприятия барской власти, взял свое, и мужик выбрал второй вариант. Но нельзя отрицать здесь и влияние сказочных сюжетных линий из цикла о жадных и упрямых крестьянках, претендующих на чужое добро и в итоге погребенных заживо. Тем не менее доминантой же все-таки в данной сказке является отношение к по-

мещицей собственности и возможное наказание за покушение на нее.

Жестокость барина вызывала соответствующую реакцию у крестьян. Желание и готовность крестьян выразить свои угрозы, преподнести барину с издёвкой плохие вести присутствуют в бытовых сказках. Нередко данные угрозы представлены в рамках трикстерады, внешне принимая саркастическую форму, но неся в себе негативный заряд мщения. К такой сказке относится сказка «Поздравление» [11, с. 174]. В ней барину посредством трюка (падения) дворовые вместо поздравления с рождением сына высказали пожелания – угрозы ему самому, его семье, приближенным и хозяйскому двору. Дворовые во главе с экономом договорились поздравить барина со столь важным событием и поднести корзину яиц, ворону и масленку. После первых слов (поздравлений эконома) старшина должен был сказать: «со всем двором», староста продолжить: «с детьми и женой», а прислуга-парень завершить: «со всем добром». Но у эконома отвязалась веревка от лаптя и, наступив на неё, он падает со словами: «Да пропади ты!». Старшина не расслышал слова эконома и выпалил то, что ему было поручено, а за ним староста и парень-прислуга высказали свою часть пожеланий. Барин был взбешен и прогнал «поздравителей».

Создатели данной сказки посредством введения в её сюжет трюка (падения) позволяют дворовым и крестьянам высказать в глаза барину резко негативные пожелания вместо поздравлений. Трикстер здесь не является классическим, он опосредован случайностью и коллективен. В то же время здесь уместно указать на один из выводов Е. С. Новик при её классификации трикстеров: «...если на поверхностном уровне текста в трюковых сюжетах может действовать достаточно много персонажей, то на более глубинном уровне столкновение происходит между двумя ключевыми фигурами – трикстером и антагонистом. Иными словами, для внутренней организации трюка гораздо важнее оказываются не мультиплицирование или редупликация персонажей, а те трансформации, которые претерпевает каждая из противоборствующих сторон...» [27, с. 144].

В сюжете сказки символическую сторону имеет перечень подарков барину, состоявший из традици-

онного набора и одного весьма необычного: корзины яиц, масленки и вороны. Корзина яиц являлась обычным подношением крестьян барину на праздники [28, с. 98–99]; под масленкой можно предполагать какой-либо набор для хранения сливочного или растительного масла. Но ворона в славянской символике животных рассматривается в качестве нечистой птицы (дьявольской, проклятой) и злоещей, несущей в себе связь с миром мертвых, смертью [26, с. 530–542]. Данный подарок (ворона) барину от крестьян указывает на тесную сюжетную связь с трикстером и «добрыми» пожеланиями последних.

Исходя из вышесказанного, вряд ли стоит соглашаться с утверждением Ю. М. Соколова, что сказка «Поздравление» является сказкой-анекдотом [11, с. 25]. По форме комического диалога – да, но, по сути, с учетом символики подарков крестьян – нет. То есть комическая составляющая в сказке имеется, но она внешняя, содержательная часть несет в себе антипомещичий заряд, соединенный в поздравлениях и подарке – вороне. В социальном контексте данную сказку можно назвать термином американского антрополога Джеймса Скотта «оружием слабых», когда она принимает формы потаенных посланий или неких странностей действий, почти ежедневно обращаемых подчиненными к начальствующим над ними [29, с. 132]. Подобное является одним из проявлений ответной реакции крестьян на притеснения и жесткости помещиков.

Таким образом, социально-психологический антагонизм в русской деревне, в первую очередь, крепостной эпохи детально показан в бытовых сказках. Сюжеты отдельных сказок в своей основе имеют реальные события, что придает им еще большую ценность в качестве исторического источника, иллюстрирующего жестокое обращение бар к крестьянам и ответную реакцию последних. Производными барской жестокости в крестьянской среде были страх, угрозы, переходящие в реальное мщение, нередко принимавшие форму физической расправы. В бытовых сказках жестокое обращение помещиков с крестьянами всегда наказывалось, что являлось проявлением народной утопии о грядущем царстве социальной справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Клибанов, А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век [Текст] / А. И. Клибанов. – М. : Наука, 1978. – 342 с.
2. Соколов, Ю. М. Русский фольклор [Текст] / Ю. М. Соколов. – М. : Изд-во Московского университета, 2007. – 541 с.
3. Страничка из истории освобождения крестьян [Текст] // Русская старина. – 1904. – Т. 118. – С. 451–454.
4. Семенов, С. Т. Из истории одной деревни (записки волоколамского крестьянина) [Текст] / С. Т. Семенов // Русская мысль. – 1902. – Кн. I. – С. 20–37.
5. Марков, Р. Недавняя старина. Забытая деревня (из воспоминаний моего отца) [Текст] / Р. Марков // Исторический вестник. – 1900. – Т. LXXXI. – С. 62–71.
6. П. Э. Помещики и крестьяне [Текст] / П. Э. // Русский вестник. – 1859. – Т. 19. – С. 219–230.
7. Ф. Б-Ъ. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе [Текст] / Ф. Б-Ъ // Русский вестник. – 1885. – Т. 175. – С. 338–373.
8. Конфисахор, Г. А. Психология власти [Текст] / Г. А. Конфисахор. – СПб. : Питер, 2004. – 235 с.
9. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. [Текст] / под ред. Г. В. Моисеенко. – М. : Наука, 1993. – Т. 3. – 664 с.
10. Соколов, Ив. Дома. Очерки современной деревни [Текст] / Ив. Соколов // Вестник Европы. – 1896. – Т. 5. – С. 6–36.

11. Русские народные сказки. Барин и мужик [Текст] / ред. и сост. Ю. М. Соколов. – М.; Л. : АСАДЕМІА, 1932. – 189 с.
12. Игнатович, И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения [Текст] / И. И. Игнатович. – М., 1910. – 312 с.
13. Повалишин, А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии [Текст] / А. Повалишин. – Рязань, 1903. – 450 с.
14. Тарасов, Б. Ю. Россия крепостная. История народного рабства [Текст] / Б. Ю. Тарасов. – М. : Вече, 2011. – 320 с.
15. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность [Текст] / В. Я. Пропп. – М. : Наука, 1976. – 325 с.
16. Шаповалов, В. А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний) [Текст] / В. А. Шаповалов. – Белгород: ИД «Белгород», 2014. – 529 с.
17. К воле. Крепостное право в народной поэзии [Текст] / сост. Н. Л. Бродский. – М., 1911. – 191 с.
18. Кретов, А. И. О современных записях воронежских народных сказок [Текст] / А. И. Кретов // Народные сказки Воронежской области / под. ред. А. И. Кретова. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. – С. 3–14.
19. Юдин, Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (исторические корни бытовой сказки) [Текст] / Ю. И. Юдин. – М. : Лабиринт, 2006. – 336 с.
20. Русская бытовая сказка [Текст] / сост. В. С. Бахтин. – Л. : Лениздат, 1987. – 510 с.
21. Громыко, М. М. О воззрениях русского народа [Текст] / М. М. Громыко, А. В. Буганов. – М. : Паломник, 2007. – 527 с.
22. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (русско-народная философия) [Текст] / сост. отшельник Мери-Хови. – СПб., 1882. – 252 с.
23. Щербатых, Ю. В. Психология страха [Текст] / Ю. В. Щербатых. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 416 с.
24. Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни [Текст] / В. М. Бехтерев. – М. : Академический проект, 2018. – 258 с.
25. Барские гуси [Текст] // Сказки: Книга 3 / сост. и коммент. Ю. Г. Круглова. (Библиотека русского фольклора. Т. 2). – М. : Советская Россия, 1989. – 624 с.
26. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции [Текст] / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
27. Новик, Е. С. Структура сказочного трюка [Текст] / Е. С. Новик // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского / сост. С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. – М. : Изд-во «Российский университет», 1993. – С. 139–152.
28. Ржевская, Н. П. Личные воспоминания и всё слышанное [Текст] / Н. П. Ржевская. – Тула, 2010. – 120 с.
29. Никулин, А. М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта [Текст] / А. М. Никулин // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2003. – № 1(4). – С. 130–140.